

Фидлер Федор Федорович

**Первые литературные
шаги**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович Ф.**
Первые литературные шаги / Фидлер Федор Федорович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 269 с.

ISBN 978-5-521-28153-4

ISBN 978-5-521-28153-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Борисъ Александровичъ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

Мой отецъ А. М. Лазаревскій—извѣстный въ ученомъ мірѣ историкъ Украины—писалъ и печаталъ очень много. Дѣдъ тоже владѣлъ слогомъ,—существуетъ написанное имъ и впослѣдствіи напечатанное посланіе къ сыновьямъ. Тѣмъ не менѣе, въ работѣ отца и дѣда нѣтъ и намека на литературно-художественное творчество. Какъ-то отецъ, въ моемъ присутствіи, почти презрительно бросилъ фразу: «это, братъ, одна беллетристика». Однако онъ преклонялся передъ беллетристкой Толстого, Тургенева, Достоевскаго и впослѣдствіи Чехова, хотя и читалъ ихъ рѣдко.

Въ нашемъ домѣ все было пропитано исторіей. Я, братъ и сестры зарабатывали первыя свои деньги перепиской подлинниковъ малорусскихъ актовъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Получали мы по сорокъ копеекъ за листъ, а работать приходилось чуть ли не съ микроскопомъ въ рукахъ. Я такъ и не выучился этому дѣлу и возненавидѣлъ исторію. Помню, когда я былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати, въ тайникахъ моей души часто ворочалась мысль: «Это все равно, что черная работа, матеріалъ берется чужой отъ чужихъ людей, когда-то жившихъ; а вотъ вскрыть смѣло то, что пронаблюдалъ, передумалъ и пережилъ самъ, да изложить такъ, чтобы читатель и оторваться не могъ—это настоящее писательство. Въ исторіи только и есть вѣрнаго, что хронологія, да факты существованія населенныхъ мѣстъ, а всѣ мысли героевъ и многія ихъ дѣянія подъ великимъ сомнѣніемъ,—это

не наука. Если бы Костомаровъ не былъ врожденнымъ беллетристомъ, его бы никто, кромѣ спеціалистовъ, и читать не сталъ».

Правъ я или не правъ былъ, думая такимъ образомъ,—и до сихъ поръ не знаю.

Первымъ разбудившимъ во мнѣ настоящую большую любовь къ художественной литературѣ и жажду къ чтенію былъ навѣстный кіевскій педагогъ В. П. Науменко. Затѣмъ въ коллегіи Павла Галагана,—учитель словесности П. И. Житецкій; но отъ его преподаванія вѣяло слишкомъ научнымъ методомъ и, вѣроятно, поэтому, на примѣръ, «Слово о полку Игоревѣ» казалось мнѣ вещью, за которую легко схватить двойку и только.

Изъ писателей и поэтовъ я тогда восторгался Лермонтовымъ и Шевченко. Помню, что при переходѣ въ 8 классъ, мое сочиненіе оказалось лучшимъ и вызвало недоумѣніе среди нашихъ первыхъ учениковъ, такъ какъ я считался однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Тема была отвлеченная. Зато на выпускномъ экзаменѣ я оскандалился и не могъ ничего написать своего о «Словѣ о полку Игоревѣ», да еще махнулъ нарѣчіе «прежде» черезъ два ять. Какъ это могло случиться?—не понимаю; вѣроятно, ужъ очень я испугался темы.

Писать искренно и просто меня научили мои дневники, которые я началъ вести съ 1883 года и веду и до сихъ поръ. Затѣмъ подавляющее впечатлѣніе произвелъ на меня рассказъ Чехова «Володя». Это случилось уже въ университетѣ.

«Такъ значить беллетристика—это искусство рисовать жизнь абсолютно искренно и правдиво. Такъ вотъ оно почему бываетъ такъ сильно чувство нравственнаго удовлетворенія послѣ прочтенія хорошихъ романовъ и повѣстей!» думалъ я. Значить, въ художественной литературѣ можно прикасаться къ самымъ завѣтнымъ человѣческимъ мыслямъ и даже мистическимъ вопросамъ, которыхъ такъ боятся господа ученые. Вѣдь не зря же Чеховъ пишетъ, что послѣ

смерти Володя сейчас же увидѣлъ... «какъ его покойный отецъ въ цилиндрѣ съ широкой черной лентой, носившій въ Ментонѣ трауръ по какой-то дамѣ, вдругъ охватилъ его обѣими руками, и оба они полетѣли въ какую-то очень темную глубокую пропасть».

Значитъ, Чеховъ и самъ думалъ и рисовалъ себѣ, такъ или иначе, это существованіе внѣ законовъ земного шара... Вѣроятно, искренность писателя-художника и его талантъ—это почти одно и то же.

Дальнѣйшее, уже личное, знакомство съ А. П. Чеховымъ почти убѣдило меня въ этомъ послѣднемъ предположеніи.

Въ моихъ повѣстяхъ и рассказахъ я пользовался и пользуюсь больше наблюдательностью, чѣмъ фантазіей. Лѣтъ въ тринадцать для меня стало ясно, что женщина чувствуетъ иначе, чѣмъ мужчина, и крѣпко захотѣлось узнать, какъ это иначе и почему иначе? И я началъ наблюдать за ними съ огромнымъ наслажденіемъ, безъ-устали, почти инстинктивно, вездѣ и всегда, вотъ какъ вездѣ и всегда будетъ нюхать лягавая собака, если почуетъ дичь.

Здѣсь я долженъ отмѣтить такой фактъ: чѣмъ ближе бывала мнѣ женщина, тѣмъ труднѣе было мнѣ разгадать ея душу; да и не гнался я тогда за этимъ.

Послѣ напечатанія въ ноябрьской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» (1905 г.) рассказа «Ученица», я получилъ нѣсколько писемъ отъ дѣвушекъ школьнаго возраста съ выраженіемъ восторга и съ увѣреніями, что я совершенно точно воспроизвелъ моменты зарождающейся любви. И я обрадовался этимъ откликамъ больше, чѣмъ статьямъ заправскихъ критиковъ и рецензентовъ, которые меня поражали всегда своею нечуткостью: хвалили за то, что, по моему мнѣнію, было ничтожно и бранили за вещи серьезныя и болѣе сильныя.

Во время недавняго своего свиданія съ Арцыбашевымъ я услышалъ отъ него приблизительно то же. Онъ удивлялся публикѣ и критикѣ, которыя кричатъ о «Санинѣ» и до тла забыли о «Смерти Ланде».

Теперь скажу о своих юношеских литературных опытах. Первый мой рассказ был написан только под влиянием той красоты, которую я увидѣлъ при восходѣ солнца, когда начал охотиться; хотѣлось также запечатлѣть фигуру моего товарища по охотѣ, крестьянина Кондрата; его именем я и назвалъ этотъ рассказъ. Но сдѣланъ онъ черезчуръ несмѣло и неумѣло, такъ что я и не пытался никогда его печатать. Было мнѣ тогда, кажется, 15 или 16 лѣтъ. Съ этихъ поръ я уже всегда ходилъ съ какой-нибудь темой подъ сердцемъ и писать сталъ чаще.

Первымъ напечатаннымъ рассказомъ была «Послѣдняя услуга». Господи! Какъ ненавижу я ее теперь. Сентиментальная тема, наивное исполненіе, сдана въ редакцію газеты глубоко несимпатичной, сдана «на ура». Я очень удивился тому, что ее напечатали сразу и заплатили, кажется, по три копейки за строчку. Это случилось въ Кіевѣ въ 1894 году въ декабрѣ.

Отецъ и мачеха отнеслись къ моему дебюту безразлично.

Темой для «Послѣдней услуги» послужилъ рассказъ доктора, у котораго я жилъ на квартирѣ. Ему пришлось свидѣтельствовать безнадежно больного, семейнаго офицера. Нужно было убѣдить этого офицера подать въ отставку по болѣзни, потому что тогда пенсія была бы гораздо больше, чѣмъ послѣ смерти на службѣ. Словомъ, нужно было дать понять человѣку, что дни его сочтены. Доктору пришлось выполнить очень нелегкую задачу, послѣ чего онъ самъ разволновался и запилъ. Я ухватился за эту тему. Сдѣлавъ ее скверно, не художественно, но редакція рассказъ приняла по вкусу. И, такимъ образомъ, состоялся мой первый дебютъ. Подписался я—Борисъ Л.

Значительно позже я прочелъ рассказъ Чехова «Учитель», написанный на почти аналогичную тему, и тогда понялъ, что дѣло не въ сюжетѣ, а въ томъ, какъ этотъ сюжетъ разработать.

Первымъ своимъ рассказомъ я считаю «Сирѣнь», напечатанный въ 1902 году въ «Русскомъ Богатствѣ».

Судьба меня ласкала. Мытарствовать мнѣ по редакціямъ почти не приходилось, да и жилъ я тогда въ далекой провинціи — въ Севастополѣ. Случалось, что мнѣ возвращались рукописи, но гораздо чаще онѣ бывали приняты. Былъ у меня такой рассказъ: «Въ лѣсу», его не приняли ни въ «Русское Богатство», ни въ «Журналъ для всѣхъ», и попалъ онъ въ концѣ-концовъ въ одесскую газету «Южное Обозрѣніе». Но когда «Въ лѣсу»¹ пошелъ въ первый томъ, его хвалили больше другихъ рассказовъ. Изъ журналовъ меня упорно не принималъ только «Вѣстникъ Европы», но это меня нисколько не огорчало. Каждый разъ я вспоминалъ, что вѣдь и «Дуэль» Антона Чехова была возвращена автору «Вѣстникомъ Европы», — и мнѣ дѣлалось смѣшно. Бывало жаль только потерянного времени, ибо во всякой другой редакціи непринятый «Вѣстникомъ Европы» рассказъ брали съ удовольствіемъ.

Я не могу также пожаловаться на передѣлку моихъ рукописей, чего почти никогда не бывало. Единственный случай, который меня крѣпко огорчилъ — это произвольное сокращеніе П. А. Сергѣенкой моей статьи въ международномъ альманахѣ о Л. Н. Толстомъ. Я читалъ и не находилъ многихъ своихъ словъ и цѣлыхъ мѣстъ, которыя дѣлали рассказъ живымъ, — точно увидалъ въ зеркалѣ свою голову, да только выстриженную лѣстницами.

Въ концѣ статьи у меня кучеръ, крестьянинъ Тульской губерніи, говоритъ:

— Лошадь? Она види-ить...

Сергѣенко сдѣлалъ:

— Лошадь она видитъ.

Я готовъ былъ примириться съ тѣмъ, что въ силу своихъ, такъ сказать, цензурныхъ соображеній Сергѣенко выбросилъ цѣлые періоды и нѣкоторыя фразы, но и до сихъ поръ не могу простить искаженія стиля. Правда, онъ написалъ мнѣ извинительное письмо, но уже послѣ того, какъ книга была выпущена.

Вотъ гдѣ приходилось страдать самымъ заправскимъ образомъ, такъ это во время переговоровъ

съ гг. издателями! Ужъ тутъ не везло и долго и упорно.

Я покупалъ много беллетристическихъ книгъ въ севастопольскомъ магазинѣ Вязнова и здѣсь познакомился съ мальчикомъ-приказчикомъ Митей Камышевымъ. Онъ оказался большимъ поклонникомъ моихъ рассказовъ и однажды сказалъ:

— Знаете что, Б. А., а вѣдь ваши рассказы не хуже другихъ. Давайте-ка издадимъ ихъ. Есть у меня въ Москвѣ такой пріятель, правда, изъ кулаковъ, но издаетъ прилично...

И вотъ при помощи этого Мити вышелъ мой первый томъ въ 1903 году. Получилъ я за все изданіе что-то около двухсотъ рублей, а было напечатано болѣе пяти тысячъ экземпляровъ.

Какъ-никакъ, а Митя и его пріятель сослужили мнѣ большую службу. Всѣ толстые журналы дали свои отзы́вы, откликнулось и много хорошихъ газетъ. Самымъ же дорогимъ было для меня письмо Антона Павловича Чехова, ласковое, веселое, поощряющее...

— Позже, при личномъ свиданіи, онъ мнѣ сказалъ:

— Въ вашихъ рассказахъ хорошо то, что люди въ нихъ разговариваютъ такъ, какъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ; попробуйте-ка написать пьесу...

Но къ пьесѣ меня не тянуло.

Несмотря на войну и на поѣздку на Дальній Востокъ, черезъ два года уже набѣжалъ и объемистый второй томъ. На помощь мнѣ пришла сама судьба. Въ вагонѣ я встрѣтился съ интеллигентнымъ московскимъ купцомъ М. М. Зензиновымъ. Ему очень понравился въ моемъ первомъ томѣ рассказъ «Элегія». Мы разговорились и познакомились ближе. Впослѣдствіи онъ купилъ у меня второй томъ, по 200 руб. за тысячу, издалъ 5.000 экземпляровъ и деньги заплатилъ впередъ. Въ томъ же 1906 году немного раньше я напечаталъ въ «Нивѣ» большую повѣсть «Урокъ» и получилъ по 150 руб. за листъ. Напечаталъ я еще нѣсколько рассказовъ въ «Журналѣ для всѣхъ» и въ «Образованіи», и въ общемъ, какъ мнѣ

казалось, почти ничего не дѣлая, получилъ за годъ болѣе 3.000 руб. Для начала это было хорошо. Могу сказать, что только благодаря матеріальной поддержкѣ М. М. Зензинова и Лидіи Филипповны Марксъ я могъ выйти въ отставку и отдаться литературѣ всецѣло. Я никогда не забуду этихъ двухъ людей.

Издательства же, въ которыхъ принимали и принимаютъ только «своихъ», меня всегда возмущали. Уже слишкомъ ясно было, что служить они не искусству, а наживѣ—съ одной стороны, а съ другой—что умѣютъ «ловить моментъ» не хуже какого-нибудь Меньшикова.

Что и какъ писать издаваемый авторъ, для нихъ все равно, важно только, чтобы книга очень быстро разошлась. Разговаривая съ такими господами, я всегда испытывалъ чувство острой брезгливости.

Теперь бы я могъ зарабатывать очень много, поставя рассказы во вкусъ «Вѣстника Европы» или какой-нибудь газеты, но лучше бѣдствовать и безъ конца ждать лучшихъ дней, чѣмъ рисовать жизнь такъ, какъ этого хочетъ кто-то другой, а не моя собственная душа.

Въ этомъ 1910 году я подписалъ условіе съ фирмой «Просвѣщеніе», и теперь судьба моихъ сочиненій въ рукахъ лицъ, заведывающихъ этимъ предпріятіемъ; окажутся ли они людьми дѣйствительно служащими цѣлямъ просвѣщенія или только коммерсантами,—это покажетъ будущее.

Василій Петровичъ АВЕНАРИУСЪ.

I. Мои родители, какъ и многіе изъ ихъ предковъ, происходили изъ лютеранскихъ пасторскихъ семей и были оба очень начитаны въ иностранныхъ литературахъ. Отецъ, также пасторъ, былъ извѣстный въ свое время проповѣдникъ, преподавалъ въ учебныхъ заведеніяхъ и, въ качествѣ дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества, все свое свободное время посвящалъ разработкѣ географическихъ матеріаловъ. Мать, воспитывая своихъ многочисленныхъ дѣтей, въ то же время руководила и церковной школой отца. Постоянная умственная дѣятельность родителей отразилась и на дѣтяхъ: изъ пяти сыновей, достигшихъ взрослого возраста, у четырехъ появилась склонность къ умственному труду и писательству: старшій братъ мой сотрудничалъ въ «Современникѣ», но скоропостижно скончался на 26-мъ году жизни; второй, педагогъ и археологъ, участвовалъ въ педагогическихъ и археологическихъ журналахъ; третій, физикъ, писалъ статьи по своей специальности въ ученыхъ изданіяхъ русскихъ и иностранныхъ; я, младшій, отдался беллетристикѣ, преимущественно дѣтской *).

II—IV. Родился я 28 сентября 1839 года въ г. Царскомъ Селѣ. Такъ какъ я былъ у нихъ уже 12-мъ ребенкомъ, то родители мои, стѣсненные въ матеріальномъ отношеніи, охотно согласились отдать меня еще съ колыбели на воспитаніе брату отца, лютеранскому же пастору, женатому, но бездѣтному. Здѣсь-то, у пріемныхъ моихъ родителей, въ Царской Славянкѣ, я прожилъ первыя семь лѣтъ жизни; затѣмъ поступилъ въ церковную школу отца, откуда

*) «Какъ я сталъ дѣтскимъ писателемъ», рассказано мною въ декабрьской книжкѣ «Родника» за 1905 г.

черезъ 4 года перешелъ въ петербургскую 5-ю гимназію, а по окончаніи въ ней курса—въ университетъ. Въ Петербургѣ я жилъ сперва въ домѣ другого дяди, доктора, потомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ, на вольной квартирѣ, а съ 16-лѣтняго возраста — у своей матери, которая, овдовѣвъ, переселилась съ дочерьми въ Петербургъ. Но какъ изъ Царскаго Села, такъ и изъ Петербурга я на воскресенье и праздники прїѣзжалъ «домой» въ Славянку, гдѣ на деревенскомъ привольѣ проводилъ и всякое лѣто. Добрѣйшій мой дядя, любившій и баловавшій меня, какъ родного сына, первый, можно сказать, открылъ мнѣ съ ранняго дѣтства міръ фантазіи — не сказками, а разказами изъ дѣйствительной жизни. Научившись читать, я зачитывался имѣвшимися въ дядюшкиной библіотекѣ романами Купера, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Бульвера, Теккерея, Александра Дюма-отца (все въ нѣмецкомъ переводѣ). Мое знакомство съ русской литературой началось въ гимназіи на 12-мъ году жизни съ «Юрія Милославскаго», котораго я перечиталъ раза три подъ рядъ. За нимъ послѣдовали: «Капитанская дочка», «Повѣсти Бѣлкина», «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», «Миргородъ» и «Мертвыя души». Поэзіей я сталъ увлекаться уже юношей и на заработанныя уроками деньги постепенно пріобрѣлъ себѣ полныя собранія сочиненій: Пушкина, Лермонтова, Шиллера, Гете, Гейне, Фета, Майкова и Щербины. Какъ у большинства молодежи, и во мнѣ нашлись отзвуки этихъ поэтовъ, особенно лѣтомъ на досугѣ. Первое мое стихотвореніе, на 16-мъ году, было посвящено «чернымъ очамъ» молоденькой кузины; а студентомъ я напечаталъ три небольшихъ выпуска своихъ стиховъ, но не для продажи, а для раздачи товарищамъ и роднымъ. Впрочемъ, ни тѣ ни другіе, какъ и я самъ, не придавали литературнаго значенія этимъ юношескимъ «пробамъ пера». Окончивъ въ 1861 году университетъ кандидатомъ естественныхъ наукъ, я, противъ собственнаго желанія, вынужденъ былъ обстоятельствами, ради вѣрнаго ку-

ска хлѣба, сдѣлаться чиновникомъ и до 23-хъ лѣтъ если и писалъ также прозой, то исключительно «отношенія», «представленія», «рапорты» и «записки».

V, VIII и XII. Появившіеся въ 1862 г. «Отцы и дѣти» Тургенева (въ то время моего любимаго писателя) дали мнѣ мысль описать, въ повѣствовательной же формѣ, студентовъ-натуралистовъ, непохожихъ вовсе на студента-медика Базарова, а такихъ, какими были мои товарищи и я самъ.

Осенью 1864 г. моя первая повѣсть «Современная идиллія» была окончена, перебѣлена и безъ вѣдома кого-либо изъ родныхъ спесена въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Редакторами-издателями этого журнала были тогда Краевскій и Дудышкинъ; но отдѣломъ «изящной словесности» вѣдалъ единолично Дудышкинъ. Когда я съ бьющимся сердцемъ рѣшился, наконецъ, зайти къ нему за отвѣтомъ, то узналъ отъ него, что повѣсть ему моя понравилась и будетъ напечатана.

XIII и XIV. Хотя въ повѣсти было болѣе 10-ти печатныхъ листовъ, но сколько-нибудь значительнымъ исправленіямъ или сокращеніямъ въ редакціи она не подверглась. Объясняется это, можетъ-быть, тѣмъ, что, набивъ себѣ уже руку писаніемъ «казенныхъ бумагъ», требующихъ особой точности и сжатости изложенія, я самъ исключилъ изъ повѣсти все несущественное и скучное.

XVII. Гонорара за эту мою первую повѣсть я никакого не получилъ и, какъ кажется, по собственной оплошности. Дѣло въ томъ, что едва Дудышкинъ разговаривался со мной, какъ въ комнату ворвался одинъ изъ тогдашнихъ корифеевъ литературы, Григоровичъ. Понятно, что Дудышкину было уже не до начинающаго писателя.

Вспомнилъ онъ обо мнѣ только тогда, когда случайно обернулся въ мою сторону. Онъ отвелъ меня къ окну и, повторивъ, что готовъ напечатать мою повѣсть, прибавилъ: